

ОТ ГУМАНИЗМА К ПОСТГУМАНИЗМУ

Гуманизм – европейская традиция, зародившаяся в условиях формирования антропоцентрической установки эпохи Возрождения и в различных интерпретациях дошедшая до наших дней. Утверждение, прежде всего в рамках постмодернизма, необходимости в пересмотре данной традиции или даже отказе от нее, как определенного, идеологически окрашенного, метанарратива, побуждает интеллектуалов провести деконструкцию гуманизма. Однако громко заявленная деконструкция есть всего лишь усиление цивилизационного аспекта гуманизма в постгуманизме, доказательством чего служит:

- использование понятий трансгуманизма, постгуманизма предполагает, может быть, некоторое изменение, трансформацию каких-то аспектов гуманизма, при сохранении базовых его черт;
- европоцентризм, критикуемый в гуманизме, сохраняется в постгуманизме, поскольку последний ориентируется на техногенную западную цивилизацию;
- утверждение, что постгуманизм избегает понятия «метафизически абстрактного человека» не выдерживает критики, поскольку основывается на идее эволюции, притом понятой в сугубо однобокой, техногенно выстроенной телесности;
- идея эволюции в постгуманизме презентуется как целенаправленный процесс, задаваемый научной элитой (улучшение человеческой природы, продление жизни и т.д.) – однако, при этом, конкретные практические биологические и медицинские задачи претендуют на статус мировоззренческой парадигмы, что в свою очередь является очередным метанарративом. Таким образом, постгуманизм как открытый для поливариативности, полилога, неопределенности дискредитирует себя в очередном «изме».

Критика гуманистической традиции в постмодернизме связана не столько с гуманизмом Возрождения, сколько с его новоевропейской интерпретацией, которая предполагает, с одной стороны, человека в качестве венца творения, с другой – (как дань новоевропейской науке) как существо механистическое, т.е. как тело, наделенное разумом. Однако, постгуманизм, отталкиваясь от этой критики, абсолютизирует телесность, сводя к ней сущность человека.

Вопрошание, или вернее утверждение постгуманизма о постчеловеке предполагает в качестве свершившегося факта истинное или кажущееся таковым знание о том, что есть человек и человеческое в человеке, с точки зрения его сущности.

Однако вопрошание о человечности человека есть отсылание или трансцендирование к тому, что есть внеположенным по отношению к человеку, то есть переход от индивидуального бытия к сущностным основаниям, что, в свою очередь, отчуждает человека от собственно человеческого. Я мыслю себя не как индивидуальное «я» (хотя и в этом смысле, «я» есть отсылание к своей противоположности «мы»), я могу себя помыслить как «я» лишь в сопереживании с «мы», а что есть «мы» – то есть сущностное, человеческое в моем конкретном бытии? Человеческое во мне как индивидуализация человеческого в нас есть движение по кругу. Акт повторения (как у Эко), вечное возвращение равного (Ницше), кружение по лабиринту как символ движения человека к самому себе, где каждый индивид выбирает себе свой собственный тупик.

Гуманизм как человечность есть возвращение человека к самому себе (Хайдеггер), а необходимость в возвращении возникает в состоянии утраты, заброшенности, нахождении в состоянии нестабильности. Если я возвращаюсь к той точке, откуда ведет отсчет наличность человеческого и как сущностного, и как существующего, следовательно, возникает необходимость в соизмеримости человеческого как потенциального с актуализацией его сущности. Таким образом, по новому интерпретируемый гуманизм может быть рассмотрен не как движение от существования к сущности и наоборот

(постгуманізм), а як збирання себе воедино в кожен момент свого буття, зобразно особисто заданому проекту.

Гуманізм. Трансгуманізм. Постгуманізм : матеріали доповідей та виступів Міжнародної науково-теоретичної конференції, м. Суми, 19-20 квітня 2013 р. / Ред.кол.: Є.О. Лебідь, А.Є. Лебідь. — Суми : СумДУ, 2013. — С. 45-47.